

Е. Д. Михайлова

**ЦЕРКОВНАЯ ШКОЛА КАК ИНСТРУМЕНТ МИССИОНЕРСКОЙ
И РЕЛИГИОЗНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА
(на материалах Курской епархии)**

*Работа представлена кафедрой истории и социально-культурного сервиса
Курского государственного технического университета.*

Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Н. Л. Авилова

Статья посвящена истории миссионерского воздействия представителей Православной церкви на молодежь из старообрядческих и сектантских общин в российской провинции конца XIX – начала XX в. Опираясь на материалы Курской епархии, автор показывает, что наиболее действенным инструментом при решении данной задачи выступала церковная школа с ее традиционным приоритетом воспитательных компонентов.

Ключевые слова: церковная школа, религиозное инакомыслие, миссионерство, религиозно-просветительская деятельность.

E. Mikhaylova

**CHURCH SCHOOL AS A TOOL OF MISSIONARY AND RELIGIOUS
EDUCATIONAL ACTIVITY OF THE ORTHODOX CHURCH
AT THE TURN OF THE 20th CENTURY
(based on the materials of the Kursk Eparchy)**

The work is devoted to the history of the missionary influence of the Orthodox Church representatives on young people from Old Believers' and sectarian communities in the Russian provinces in the late 19th and early 20th centuries. Basing on the materials of the Kursk Eparchy, the author demonstrates that church school with its traditional priority of tutorial components was the most effective tool for the achievement of this purpose.

Key words: church school, religious dissent, missionary work, religious and educational activity.

Одной из традиционных отличительных черт отечественной школы является значительное внимание к воспитательным компонентам работы. Особенно ярко эта особенность проявляла себя до 1917 г. в школах, контролируемых Русской православной церковью, – получение знаний в таких учебных заведениях связывалось с духовно-нравственным воспитанием. Так, при учреждении школ при церквях и монастырях в 1836 г. последовало Высочайшее повеление по духовному ведомству в первую очередь «наставлять мирян в законе Божиим» [11, с. 432]. Целью начальных народных училищ, согласно принятому в 1864 г. Положению, было утверждение в народе религиозных и нравственных понятий [11, с. 433].

Тому, что российская дореволюционная школа не только декларировала воспитательные цели, но и эффективно их выполняла, есть множество примеров. Один из них – история использования церковных школ в миссионерских и религиозно-просветительских целях в конце XIX – начале XX в. Названный период стал временем активного распространения религиозного инакомыслия в России. Так, пропаганда мистико-экстатических учений привела к появлению сект «шалопутов», «серафимовщины», «иннокентиевщины», «новохлыстовщины», «Нового Израиля», «трезвенников». В 1880-е гг. сторонников в народной среде начало находить религиозное учение Л. Толстого. Кроме того, в это время русское сектанство попало под влияние протестантских

идей. В 1880–1890-е гг. наиболее высокие темпы развития были присущи русской штунде, нашедшей многочисленных сторонников едва ли не во всех губерниях европейской России. Численно увеличилось и русское старообрядчество. Сектанты, старообрядцы и самостоятельные богоискатели составили в рассматриваемый период многомиллионное сообщество «раскольников», с ростом которого Православная церковь должна была бороться. Цель данной статьи – показать участие церковной школы в процессе этой борьбы на провинциальном уровне, используя материалы Курской епархии. Деятельность курских епархиальных властей может служить прекрасным образцом церковной политики по отношению к «раскольникам» в то время. В одном из выпусков «Миссионерского обозрения» (одного из главных печатных органов синодальной Церкви), например, писалось, что миссионерское дело в Курской епархии «поставлено на должную высоту» и может стать примером для других епархий [2, с. 699].

С момента церковного раскола, вызванного реформами патриарха Никона во второй половине XVII в., религиозное инакомыслие было заметным явлением в жизни Курского края. В конце XVIII в. численность старообрядцев и сектантов здесь, по официальным данным, достигала 10 тыс. человек, в середине XIX – 16 тыс., в начале XX – 28 тыс. [17, л. 30]. В некоторых отношениях «раскольники» являли собой положительный пример для остального населения – современники отмечали их благочестие, трудолюбие, трезвость [1, с. 133]. С другой стороны, многим сектантам была свойственна религиозная нетерпимость по отношению к господствующей церкви и ее представителям. Последнее обстоятельство заставляло как светские, так и духовные власти активно бороться с «расколом» в Курской епархии. Обычной практикой в XVIII–XIX вв. были закрытия старообрядческих и сектантских молелен; большие средства тратились на выпуск «противораскольничьей» литературы, организацию «увещательных бесед» и диспутов со староверами и сектантами, содержание специальных миссионеров [6, с. 434].

Однако успехи этих мероприятий были довольно скромными: в среднем ежегодно удавалось воссоединить с официальным православием 10–20 человек, в то время как сообщество старообрядцев и сектантов только лишь за счет естественного прироста вырастало на несколько сотен [1, с. 101]. То есть методы прямого воздействия на религиозных «отщепенцев» оказывались недостаточными.

Лишь в конце XIX в. духовные власти нашли эффективное средство воздействия на староверов и сектантов. Им стало школьное образование. В 80-е гг. XIX в. правительство совместно со Св. Синодом поставило задачу создания на территории империи обширной сети церковноприходских школ. В июне 1884 г. вышли «Правила о церковноприходских школах» [11, с. 432]. В их первой статье говорилось, что цель данных школ – «утверждать в народе православное учение веры и христианской нравственности и первоначальные полезные знания». В отличие от уставов других школ в «Правилах» речь шла не вообще о христианском учении, а о «православном учении веры». Тем самым подчеркивался конфессиональный характер церковноприходских школ. Они должны были находиться в тесной связи с приходами и будить в учениках любовь к Церкви и ее литургической жизни (ст. 9). В обязанности приходских священников входило преподавание Закона Божия и общее религиозное окормление воспитанников. Учителями должны были быть люди, получившие образование в заведениях Ведомства православного исповедания (ст. 12).

Подчеркивая задачу воспитания в духе официального православия, «Правила» создавали предпосылки для «перевоспитания» в данных заведениях детей старообрядцев и сектантов, если бы таковых удалось туда привлечь. Вот что думал по этому поводу обер-прокурор Св. Синода К. Победоносцев: «...самым могущественным, верным и надежным средством для проведения в раскольническую массу православно-христианского просвещения является воздействие путем церковной школы на молодое поколение, на тех, кому принадлежит будущность, и которые станут со временем от-

цами и матерями новых поколений... Трехлетнее пребывание в школе, обучение здесь грамоте в духе церковности под непосредственным наблюдением и руководством приходских священников, частое посещение Храма Божия и деятельное участие в церковном чтении и пении — все это незаметно подрывает в раскольнических ребятах то средостение, которым раскольники думают себя оградить от влияния православной церкви...» [3, с. 528].

Впрочем, необходимо отметить, что возможности церковной школы были по достоинству оценены местными властями еще в 50-е гг. XIX в. Так, в 1856 г. курский губернатор П. Бибиков, представляя в Министерство внутренних дел сведения о старообрядцах, заметил между прочим, что для «ослабления раскола в Курской губернии полезно было бы учредить большое число бесплатных школ, в которых могли бы обучаться дети раскольников» [13, с. 177].

В 1880-е гг. подобные мероприятия возводятся в ранг государственной политики. В 1884 г. в Курской губернии начало работу 14 церковноприходских школ [12, с. 82]. Среди них была и школа при курской Успенской единоверческой церкви (единоверие — промежуточная православием форма вероисповедания). С первых дней своего существования она стала центром «духовного просвещения» не только для детей, но и для их родителей-единоверцев — там регулярно проводились миссионерские чтения, беседы и т. п. Во многом благодаря этому фактору в 1889 г. прихожане Успенской церкви «окончательно приняли православие» [15, л. 36].

В дальнейшем церковноприходские школы появились во всех городах и многих крупных селах губернии. При их учреждении власти часто руководствовались миссионерскими целями. Так, например, во Всеподданнейшем отчете за 1898 г. курский губернатор доносил, что им сделаны распоряжения к открытию новых церковных школ «в зараженных расколом местах» [1, с. 195]. Действительно, такие школы были заведены в ряде населенных сектантами пунктов Курской губернии — в с. Ива-

новском Льговского уезда, с. Усть-Трясильный Колодезь (крупном центре фатежских старообрядцев), с. Ольховатка Шигровского уезда и т. д. [12, с. 88]. А еще в 1891 г. некоторые подобные заведения официально получили статус «миссионерских» [12, с. 89]. Поскольку собственных школ старообрядцам и сектантам открывать не разрешалось, последние порой отдавали своих детей в официально-православные учебные заведения.

Как следует из отчетов о состоянии епархии, учителями в школы с учениками-старообрядцами (сектантами) назначались преимущественно лица с богословским образованием. Преподавание в них велось согласно программам, утвержденным Св. Синодом для церковноприходских школ, причем преимущественное внимание обращалось на преподавание «закона Божия» и церковного пения. Однако у обучения в этих школах была важная особенность — употребление для чтения книг единоверческой печати и прописей Кашменского, заключающих в себе выписки и выдержки из священных книг, уважаемых старообрядцами [17, л. 26]. То есть от учеников не требовалось «менять веру». Не надо было им и выполнять некоторых современных обрядов, например трехперстного крестного знамения. Это обстоятельство привлекало в отдельных случаях староверов, тем более что миссионерские школы, как и церковноприходские, брали на себя обеспечение учащихся письменными принадлежностями и учебной литературой [12, с. 88].

Поскольку в некоторых случаях подобные школы открывались в местах, где не было поблизости православных храмов (в деревнях Обоянского, Суджанского и Рьльского уездов), то они выполняли по воскресеньям и праздничным дням функцию молитвенного дома. Все ученики обязаны были участвовать в богослужении. Порой вместе с детьми приходили в школу и родители (старообрядцы, штундисты, христоверы) [9, с. 352].

Попадая в среду православных сверстников, дети сектантов и «ревнителю старины» старались «блюсти» наказания родителей, но все же вынуждены были до некоторой степени от-

ступать от принятых в их среде норм (например, несообщения с иноверными в молитве) и включаться в общий распорядок. Вот, например, как описывал их поведение курский архиепископ Питирим в 1908 г.: «В школах Обоянского уезда обучалось 19 мальчиков и 6 девочек из раскольничьих селений. Они наравне со всеми учащимися изучали Закон Божий, но при чтении молитв крестились как научены дома. В школах Фатежского уезда обучались совместно с православными 23 мальчика и 6 девочек. Они охотно исполняли все, что требуется от них школой: участвовали в молитвах, читали книги из школьной библиотеки. Только в редких случаях дети раскольников (Дерловская школа) не крестятся с учителем, молитвы читают по-своему, волос не стригут» [17, л. 244].

Что касается учителей, то им предписывалось «быть крайне осторожными и приспособительными»: не обращать особого внимания на двуперстие, не допускать насмешек со стороны товарищей над некоторыми особенностями, встречающимися в одежде старообрядцев, «ибо наблюдалось, что после какого-либо строгого замечания они оставляют школу» [17, л. 244].

Проанализировать влияние школы на «раскольничий мир» позволяет изучение ежегодных «Обзоров Курской губернии». Так, в «Обзоре» за 1904 г. есть такие строки: «Замечаемая в последнее время некоторая благоприятная перемена в настроении раскольников, в особенности же молодого поколения их, ко всему православному, поставляется в связь с просветительным влиянием церковных и земских школ, в которых нередко дети старообрядцев наряду с православными изучают Закон Божий и присутствуют при общем пении и чтении учениками молитв» [5, с. 48].

Сходная мысль проводится в «Обзоре Курской губернии» за 1907 г.: «В отношениях старообрядцев к православному населению, духовенству и властям в последнее время в общем не замечалось той неприязни, какую отличались старообрядцы прежнего времени. Такая перемена в настроении старообрядцев ко всему православному в некоторых местах сто-

ит в заметной связи с распространением среди них просвещения через церковные школы, охотно посещаемые, наряду с православными, и детьми старообрядцев» [6, с. 73].

Конкретный пример эффективного воздействия на староверов через школу приводит А. Танков: «Дети крупецких старообрядцев учились в сельской школе и здесь проходили Закон Божий православного исповедания. Отцы не препятствовали им в этом, а также разрешали ходить в церковь, вследствие чего дети их усвоили себе православные обряды и почти отстали от раскола» [13, с. 177]. С другой стороны, епархиальные власти постоянно отмечали, что «там, где нет школ, раскольники отличаются замкнутостью и совсем не сходятся ни со священниками, ни с православным населением, а в делах веры проявляют грубую упорность» [15, л. 50].

Анализ проблемы показывает, что многие верующие-«диссиденты» (в первую очередь староверы) замечали, какую угрозу для их самобытности представляет школа. В 1903 г., например, старообрядческий епископ Иоанн (Картушин) «наказывал батюшкам зорко следить за прихожанами, чтобы они отнюдь не дерзали обучать своих детей в “еретических” школах» [7, с. 365]. А в 1913 г. старообрядческие архипастыри даже опубликовали совместное воззвание к своей пастве, в котором говорилось: «Причины религиозного упадка мы усматриваем в том, что за последнее время некоторые родители пренебрегли благочестивым обычаем обучения детей у своих наставников церковно-славянскому чтению и пению, уставному порядку домашних молитв и христианских обычаев, предпочитая, во имя житейских интересов, обучать их в бесплатных городских, сельских и церковно-приходских училищах» [4, с. 163]. Многие рядовые старообрядцы также старались избегать контактов с официальным православием даже на уровне школы. В 1904 г., например, из 44 823 учащихся в Курской губернии лишь 237 человек (0,5%) были старообрядцами [18, л. 30], тогда как сами «ревнители старины» составляли, по официальным сведениям, 0,9% от всего населения края. То есть староверы вдвое реже по-

сылали детей в школу, чем официально православные. Подобная картина сохранялась и на протяжении последующего десятилетия [10, с. 567].

Таким образом, влияние школьного образования на представителей религиозного инакомыслия в конце XIX – начале XX в. не стоит преувеличивать. С другой стороны, нельзя не признать, что школа являлась наиболее дей-

ственным средством борьбы с «расколом» в этот период. Внедряемое Православной церковью образование оказывало существенное влияние на мировоззрение и привычки детей староверов и сектантов. Выходя в школе за рамки традиционных для себя норм и правил, они постепенно теряли специфические особенности своих родителей, становясь похожими на православных сверстников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Апанасенок А. В.* «Старая вера» в Центральном Черноземье: XVII – начало XX в. Курск, 2008.
2. *Василевский П.* Деятельность православной миссии // Миссионерское обозрение. 1910. № 4. С. 699–701.
3. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Св. Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1892 и 1893 гг. СПб., 1895.
4. *Круглов Ф.* Раскол старообрядчества в 1913 году // Миссионерское обозрение. 1914. № 1. С. 162–164.
5. Обзор Курской губернии за 1904 год. Курск, 1905.
6. Обзор Курской губернии за 1907 год. Курск, 1908.
7. Об отношении к церковно-приходским школам // Миссионерское обозрение. 1903. № 3. С. 385–386.
8. Отчетные сведения о деятельности Курского Епархиального Братства преподобного Феодосия Печерского // Курские Епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1900. № 19. С. 430–443.
9. Отчетные сведения о деятельности Курского Епархиального Братства преподобного Феодосия Печерского за истекшее десятилетие его существования // Курские Епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1902. № 19.
10. Расколо-старообрядческая жизнь // Миссионерское обозрение. 1915. № 8. С. 566–567.
11. *Смолич И. К.* История русской церкви. М., 1996. Т. 8. Ч. 2.
12. *Стародубцева М. С.* Влияние Русской православной церкви на развитие народного образования в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: дис. на соис. учен. степени канд. ист. наук. Курск, 2001.
13. *Танков А. А.* Из истории раскола в Курской епархии // Прибавление к Курским Епархиальным ведомостям. 1898. № 17. С. 175–182.
14. Государственный архив Курской области. Ф. 20. Оп. 2. Д. 405.
15. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 1624.
16. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2158.
17. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2279.
18. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2033.

REFERENCES

1. *Apanasenok A. V.* «Staraya vera» v Tsentral'nom Chernozem'ye: XVII – nachalo XX v. Kursk, 2008.
2. *Vasilevsky P.* Deyatel'nost' pravoslavnoy missii // Missionerskoye obozreniye. 1910. N 4. S. 699–701.
3. Vsepoddanneyshiy otchet ober-prokurora Sv. Sinoda K. Pobedonostseva po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1892 i 1893 gg. SPb., 1895.
4. *Kruglov F.* Raskol staroobryadchestva v 1913 godu // Missionerskoye obozreniye. 1914. N 1. S. 162–164.
5. Obzor Kurskoy gubernii za 1904 god. Kursk, 1905.
6. Obzor Kurskoy gubernii za 1907 god. Kursk, 1908.
7. Ob otnoshenii k tserkovno-prikhodskim shkolam // Missionerskoye obozreniye. 1903. N 3. S. 385–386.
8. Otchetnye svedeniya o deyatel'nosti Kurskogo Yeparkhial'nogo Bratstva prepodobnogo Feodosiya Pecherskogo // Kurskiye Yeparkhial'nye vedomosti. Chast' neofitsial'naya. 1900. N 19. S. 430–443.

ИСТОРИЯ

---

9. Otchetnye svedeniya o deyatel'nosti Kurskogo Yeparkhial'nogo Bratstva prepodobnogo Feodosiya Pecherskogo za isteksheye desyatiletie yego sushchestvovaniya // Kurskiye Yeparkhial'nye vedomosti. Chast' neofitsial'naya. 1902. N 19.
10. Raskolo-starobryadcheskaya zhizn' // Missionerskoye obozreniye. 1915. N 8. S. 566–567.
11. *Smolich I. K.* Istoriya russkoy tserkvi. M., 1996. T. 8. Ch. 2.
12. *Starodubtseva M. S.* Vliyaniye Russkoy pravoslavnoy tserkvi na razvitiye narodnogo obrazovaniya v Kurskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.: dis. na sois. uchen. stepeni kand. ist. nauk. Kursk, 2001.
13. *Tankov A. A.* Iz istorii raskola v Kurskoy yeparkhii // Pribavleniye k Kurskim Yeparkhial'nym vedomostyam. 1898. N 17. S. 175–182.
14. Gosudarstvennyy arkhiv Kurskoy oblasti. F. 20. Op. 2. D. 405.
15. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA). F. 796. Op. 442. D. 1624.
16. RGIA. F. 796. Op. 442. D. 2158.
17. RGIA. F. 796. Op. 442. D. 2279.
18. RGIA. F. 796. Op. 442. D. 2033.